

Фактические, теоретические и организационно-правовые предпосылки существования альтернативы уголовному преследованию несовершеннолетних

По сведениям МВД России, в 2012 году остались не раскрытыми 1014,7 тыс. преступлений (из них тяжкие и особо тяжкие – 24,2%)¹; 2013 году – 950,3 тыс. преступлений (из них тяжкие и особо тяжкие – 24,6%)², в 2014 году – 948,6 тыс. (из них тяжкие и особо тяжкие – 25,4%)³. Каждое четвертое преступление, из числа нераскрытых, относится к категории тяжких и особо тяжких, что позволяет утверждать о неэффективном построении современной отечественной технологии уголовного процесса.

Стабильность доли нераскрытых преступлений позволяет говорить и о существующем пределе системы правоохранительных органов в возможности увеличения процента раскрываемости преступлений, дальше которого она объективно идти не в состоянии.

Причины такой негативной оценки скрываются не столько в организационно-управленческих недостатках, сколько в несовершенном, а порой и противоречивом подходе законодателя к формированию российского уголовно-процессуального права. На это обратил внимание Президент РФ, выступая 3 декабря 2015 года с ежегодным посланием к Федеральному Собранию Российской Федерации⁴.

В.В. Путин акцентировал внимание на необходимости пересмотра уголовной и уголовно-процессуальной политики при подходе к оценке реакции государства на совершение лицами уголовных деяний, являющихся «мелкими, незначительными преступлениями», при совершении которых «люди, в том числе совсем молодые попадают в места лишения свободы, в тюрьму. Пребывание там, сама судимость, как правило, негативно сказываются на их дальнейшей судьбе и нередко приводят к последующим преступлениям»⁵.

Возможно ли разрешение этой проблемы иными, не уголовно-репрессивными средствами, не переводя эти преступления в разряд административных правонарушений, не отягчая и без того загруженный КоАП РФ? Ответить на этот вопрос мы попробуем на основании анализа показателей преступности среди

М.Ш. Гамидов

*Помощник прокурора Приокского района,
юрист 1 класса, кандидат юридических наук*

несовершеннолетних 2014 года и теоретически возможных альтернативных реакций на это со стороны правоохранительной системы.

По данным судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации⁶ в 2014 году было осуждено 23586 несовершеннолетних. За совершение преступлений небольшой и средней тяжести было осуждено 10057 несовершеннолетних, что составляет 43%, за совершение тяжких и особо тяжких преступлений осуждено 13229 несовершеннолетних, что составляет 56% и по составам частного обвинения обвинительные приговоры были вынесены в отношении 3% от общего числа осужденных несовершеннолетних.

В 2014 году к различным срокам лишения свободы были приговорены 3 923 несовершеннолетних, что составляет около 17% от всех осужденных.

Их этих показателей мы можем увидеть, что судебная власть в своих решениях по рассмотренным делам несовершеннолетних, несмотря на преобладание тяжких и особо тяжких преступлений, движется в сторону смягчения уголовного наказания. Полагаем, что на это есть и политическая воля.

Простое сопоставление доли осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления – 43% и доли назначенных наказаний в виде реального срока лишения свободы – 17%, позволяет говорить о возможности поиска иных, альтернативных уголовному преследованию несовершеннолетних форм, в случае совершения ими преступлений небольшой и средней тяжести.

Ученые проанализировали психологические особенности привлечение несовершеннолетних к уголовной ответственности и ситуации, связанные с досудебным и судебным производством (назначением наказания), в том числе и связанных с пребыванием несовершеннолетнего в местах лишения свободы. По итогам проведенных исследований было установлено, что в результате участия в уголовно-процессуальной деятельности несовершеннолетний получает очень серьезную психотравмирующую ситуацию, которая еще и усугубляется когда он глубоко и искренне раскаивается в совершенном деянии. В этом случае становится очевидным, что уголовное преследования (в том числе в дальнейшем как факт биографии несовершеннолетнего) и его наказание было бы несоразмерным совершенным им действиям.

Проанализированные нами показатели осужденных несовершеннолетних показывают, что имеется потенциальная возможность не возбуждать в отношении несовершеннолетних лиц, особенно в возрасте

от 14 до 16 лет уголовное производство за совершение ими преступлений небольшой или средней тяжести. В этом случае можно ограничиться применением альтернативных уголовному преследованию мер не возбуждая уголовное судопроизводство.

В основе такой модели лежит принцип целесообразности уголовного преследования и экономии уголовной репрессии, что позволяет сконцентрироваться на раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений. Теоретическая возможность построения подобной линии поведения со стороны государства в виде отказа от уголовного преследования, давно получила обоснование, как в зарубежной, так и в отечественной уголовно-процессуальной литературе, поэтому нет необходимости здесь подробно останавливаться на этом вопросе.

Перейдем к рассмотрению возможных направлений (форм) деятельности государства после отказа от уголовного преследования несовершеннолетнего.

Следует понимать, что отказ от уголовного преследования несовершеннолетнего все же потребует соответствующей реакции со стороны государства. Причем здесь должны присутствовать такие формы, которые пока не предусмотрены в уголовно-процессуальном законодательстве.

Во-первых, это может быть официальное предупреждение уполномоченного государственного органа (должностного лица) родителей (иных законных представителей) и соответственно обязательство несовершеннолетнего не совершать повторно аналогичное или любое другое преступления. Нарушение этого обязательства в дальнейшем не позволит применить институт отказа от уголовного преследования и приведет к возбуждению уголовного преследования. Однако следует подчеркнуть, что такой подход не является преюдицией и не формирует признак повторности правонарушения, влекущего возбуждение уголовного производства.

Во-вторых, возможность наложения штрафа на родителей, за неисполнение своих обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего на основании постановления уполномоченного должностного лица органа исполнительной власти, по аналогии с процедурой административного законодательства.

В-третьих, противоправное поведение может быть осуждено на заседании комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав с наложением обязанности пройти лечение от алкоголизма и наркомании, восстановиться на учебу, устроиться на работу и т.д. Эта же комиссия могла бы наложить на несовершен-

нолетнего обязательство выполнить некоторые виды общественных работ, в том числе носящих символический, «заглаживающий вину» характер.

Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, в этом случае, должна ограничиться не только устными рекомендациями и указаниями, но и предпринять все возможные меры по оказанию помощи в реализации своих предписаний несовершеннолетнему и его родителям.

Все это лишь некоторые из возможных мер, которые могут быть направлены на формирование правомерного поведения несовершеннолетнего, в том числе и с привлечением к этому процессу родителей (законных представителей), в случае отказа государства от уголовного преследования.

Теперь перейдем к важному и принципиальному вопросу, с соблюдением каких условий и кто будет принимать решение об отказе от уголовного преследования несовершеннолетнего.

Говоря об обусловленности решения об отказе в уголовном преследовании несовершеннолетнего, следует, в первую очередь, учесть, чьим интересам причинен ущерб. Если это интересы государства, то сложностей при принятии решения об отказе от уголовного преследования не возникает, так как сама власть поступается ущербом своих интересов во имя воспитания, исправления и будущего оступившегося несовершеннолетнего правонарушителя.

Другое дело, если ущерб причинен интересам физических или юридических лиц. Однако, мы сейчас говорим исключительно о преступлениях небольшой и средней тяжести, где ущерб не велик и все вопросы по его возмещению, могут решаться на основании договора между потерпевшим и родителями (законными представителями) или же на основании извинений несовершеннолетнего признающего свою вину и раскаивающегося за содеянное.

Среди принципиальных условий, которые могли обусловить отказ от уголовного преследования несовершеннолетнего, следует выделить: совершение несовершеннолетним только одного преступления небольшой или средней тяжести (не в составе группы); если ранее в отношении него не было принято решение об отказе от уголовного преследования; несовершеннолетний не имеет судимостей (прекращение в отношении него уголовного преследования по реабилитирующим основаниям в прошлом не является препятствием в отказе от уголовного преследования в настоящем); несовершеннолетний должен признать факт совершенного уголовно-наказуемого

деяния, свою вину, раскаяться в содеянном и желать не нарушать уголовный закон в будущем и т.д.

Однако все эти условия не являются обязательными для уполномоченного должностного лица, которое принимает решение об отказе от уголовного преследования исключительно по собственному усмотрению, руководствуясь принципом целесообразности.

Если уполномоченное должностное лицо не найдет возможности отказаться от уголовного преследования, например, отрицание несовершеннолетним своей вины или нежеланием извиняться перед потерпевшим и раскаяться и т.д., то возбуждается уголовное дело и расследование проходит в обычном порядке.

Обратимся теперь к ключевому вопросу, кто может выступать в качестве государственного органа, наделенного правом отказаться от уголовного преследования несовершеннолетнего по мотивам целесообразности.

Европейский опыт показывает, что использование возможности отказа от уголовного преследования, не начиная его, позволяет сберечь значительные силы и средства, направив их на противодействие более серьезным и тяжким преступлениям. Однако говоря об этом положительном опыте, следует отметить, что его апробирование и последующее внедрение не представляется возможным без единого государственного органа, обладающего полномочиями на осуществление уголовного преследования и обладающего монополией на координацию правоохранительной деятельности в сфере борьбы с преступностью. Этим государственным органом во всех европейских государствах и странах «постсоветского пространства» является прокуратура.

Желание разделить функции досудебного уголовного преследования и надзора, это следствие претворения в жизнь не выверенной теоретической конструкции. В этой модели, объективно необоснованного существования двух параллельных процессуальных форм, прокурорский надзор, по сути, заменен ведомственным контролем. Об этом прямо пишут представители органа расследования, для создания которого в 2007 году и произошли эти изменения в уголовно-процессуальном законодательстве.

По словам А.М. Багмета: «Практика показала, что и без участия прокурора руководители следственных подразделений способны полностью справляться с этой работой. На этом этапе положительного влияния от так называемого прокурорского надзора нет и он не требуется»⁷.

Однако, полагаем, что без возврата прокуратуре в полном объеме полномочий по осуществлению уголовного преследования на досудебном этапе, и усиления ее роли в предварительном расследовании

невозможно дальнейшее позитивное развитие уголовно–процессуального законодательства, в том числе и альтернативных уголовному преследованию форм разрешения уголовно–правового конфликта. ■

¹ URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/804701/> (Дата обращения 14 сентября 2015 года).

² URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/1609734/> (Дата обращения 14 сентября 2015 года).

³ URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/2994866/> (Дата обращения 14 сентября 2015 года).

⁴ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/50864> (Дата обращения 10 декабря 2015 года).

⁵ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/50864> (Дата обращения 10 декабря 2015 года).

⁶ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883> (Дата обращения 10 декабря 2015 года).

⁷ Багмет А.М. Об устранении двоевластия в уголовном преследовании // Российская юстиция. 2013. N 12 (Документ предоставлен КонсультантПлюс).